

«СКОТОФЕРМА»

Джордж Оруэлл

18+

Джордж Оруэлл Скотоферма

<https://litres.ru/74628057>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Скотоферма» Джорджа Оруэлла — это сатирическая повесть-притча, где животные прогоняют хозяина фермы и сами начинают управлять её работой, вступая в конфликт с окружающими ферму людьми.

Содержание

Глава I	4
Глава II	15
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Скотоферма

Глава I

Мистер Джонс с «Фермы Мэнор» запер курятники на ночь, но был слишком пьян и забыл закрыть лазейки. Кольцо света от его фонаря металось из стороны в сторону, пока он, пошатываясь, пересекал двор. У задней двери он сбросил сапоги, налил себе из бочки в кладовой последний стакан пива и отправился наверх, в постель, где миссис Джонс уже храпела.

Едва свет в спальне погас, как по всем хозяйственным постройкам фермы началось движение и раздалось хлопанье крыльев. Днём прошёл слух, что старый Мейджор, породистый хряк породы Миддл Уайт, минувшей ночью увидел странный сон и хочет рассказать о нём другим животным. Было решено, что все соберутся в большом амбаре, как только мистер Джонс окажется вне пределов досягаемости. Старого Мейджора (так его всегда называли, хотя на выставках он выступал под именем Уиллингдон Бьюти) на ферме очень уважали, поэтому каждый был готов пожертвовать часом сна, чтобы услышать, что он скажет.

В одном конце большого амбара, на чем-то вроде возвышения, Мейджор уже устроился на своей соломенной подстилке под фонарём, подвешенным к балке. Ему было двена-

дцать лет, и в последнее время он заметно раздался в теле, но всё ещё оставался свиньёй величественного вида, с мудрым и добродушным выражением морды, несмотря на то, что его клыки никогда не подрезали.

Вскоре начали прибывать остальные животные и устраиваться кто как привык. Первыми пришли три собаки — Блубелл, Джесси и Пинчер, а за ними свиньи, улегшиеся прямо перед возвышением на соломе. Куры расселись на подоконниках, голуби вспорхнули на стропила, овцы и коровы улеглись позади свиней и принялись жевать жвачку.

Две ломовые лошади, Боксер и Кlover, вошли вместе, двигаясь очень медленно и осторожно ставя свои огромные мохнатые копыта, чтобы случайно не наступить на какое-нибудь маленькое животное, спрятавшееся в соломе. Кlover была крепкой, заботливой кобылой, уже приближавшейся к зрелому возрасту; после рождения своего четвёртого жеребёнка она так и не смогла вернуть прежнюю фигуру. Боксер был громадным животным, почти восемнадцати ладоней в высоту и таким сильным, как любые две обычные лошади вместе взятые. Белая полоса, тянувшаяся по его носу, придавала ему несколько глуповатый вид, и в самом деле умом он не отличался, но все без исключения уважали его за твёрдость характера и невероятную работоспособность.

После лошадей пришли Мюриэл, белая коза, и Бенджамин, осёл. Бенджамин был самым старым животным на ферме и обладал самым скверным характером. Он редко разго-

варивал, а когда всё-таки говорил, то обычно отпускал какое-нибудь язвительное замечание — например, мог сказать, что Бог дал ему хвост, чтобы отгонять мух, но он предпочёл бы вовсе не иметь ни хвоста, ни мух. Среди всех животных фермы только он никогда не смеялся. Если его спрашивали почему, он отвечал, что не видит ничего смешного.

И всё же, хотя открыто он этого никогда не признавал, к Боксеру он был очень привязан, обычно они проводили воскресенья вместе в маленьком загоне за фруктовым садом — паслись бок о бок и не произносили ни слова.

Едва две лошади улеглись, как в амбар вошёл выводок утят, потерявших мать. Они тихонько пищали и метались из стороны в сторону, ища место, где их никто не затопчет. Кlover словно оградила их своим огромным передним копытом, а утята забились внутрь этого кольца и тут же уснули.

В самый последний момент вприпрыжку вошла Молли — глупенькая, хорошенькая белая кобыла, которая возила экипаж мистера Джонса. Она жевала кусочек сахара. Молли устроилась поближе к переднему краю и принялась кокетливо встряхивать белой гривой, надеясь обратить внимание на красные ленточки, вплетённые в неё.

Последней пришла кошка. Как обычно, она огляделась в поисках самого тёплого места и в конце концов протиснулась между Боксером и Кlover. Там она довольно мурлыкала на протяжении всей речи Мейджора, не прислушавшись ни к единому его слову.

Теперь присутствовали все животные, кроме Моисея, ручного ворона, который спал на жердочке за задней дверью. Убедившись, что все удобно устроились и внимательно его ждут, Мейджор откашлялся и начал:

— Товарищи, вы уже слышали о странном сне, который приснился мне прошлой ночью. Но к этому сну я вернусь позже. Сначала я хочу сказать вам кое-что другое. Мне кажется, товарищи, что мне осталось быть с вами ещё совсем недолго, и перед смертью я считаю своим долгом передать вам всю мудрость, которую мне удалось приобрести. Я прожил долгую жизнь, у меня было много времени для размышлений, когда я один лежал в своём стойле, и, думаю, могу сказать, что понимаю природу жизни на этой земле не хуже любого ныне живущего животного. Именно об этом я и хочу с вами поговорить.

— Итак, товарищи, в чём заключается наша жизнь? Давайте посмотрим правде в глаза: наша жизнь несчастна, тяжела и коротка. Мы рождаемся, нам дают ровно столько пищи, сколько необходимо, чтобы в нашем теле теплилась жизнь, а те из нас, кто на это способен, вынуждены работать до последней крупички своих сил, и в тот самый миг, когда мы перестаём быть полезными, нас убивают с ужасной жестокостью. Ни одно животное в Англии, достигнув годовалого возраста, не знает, что такое счастье или отдых. Ни одно животное в Англии не свободно. Жизнь животного — это нищета и рабство. Такова простая истина.

— Но разве это просто часть естественного порядка вещей? Разве наша земля настолько бедна, что не может обеспечить достойную жизнь тем, кто на ней живёт? Нет, товарищи, тысячу раз нет! Почва Англии плодородна, климат хорош, и она способна прокормить во много раз больше животных, чем обитает здесь сейчас. Одна только наша ферма могла бы содержать дюжину лошадей, двадцать коров, сотни овец — и все они могли бы жить в достатке и с достоинством, которые теперь почти невозможно себе представить.

— Почему же мы продолжаем существовать в таких жалких условиях? Потому что почти весь плод нашего труда у нас крадут люди. Вот, товарищи, ответ на все наши проблемы. Он заключён в одном-единственном слове — Человек. Человек — наш единственный настоящий враг. Уберите Человека со сцены — и коренная причина голода и непосильного труда будет навсегда уничтожена.

— Человек — единственное существо, которое потребляет, ничего не производя. Он не даёт молока, не несёт яиц, он слишком слаб, чтобы тянуть плуг, и не способен бежать достаточно быстро, чтобы поймать кролика. И всё же он господствует над всеми животными. Он заставляет их работать, возвращает им лишь тот ничтожный минимум, который не позволяет им умереть с голоду, а всё остальное забирает себе.

— Наш труд обрабатывает землю, наш навоз удобряет её, и всё же среди нас нет ни одного, кому принадлежало бы что-

нибудь, кроме собственной шкуры. Вы, коровы, которых я вижу перед собой, сколько тысяч галлонов молока дали вы за последний год? И что стало с этим молоком, которое должно было вырастить крепких телят? Каждая его капля отправилась в глотки наших врагов.

— А вы, куры, сколько яиц снесли за последний год и сколько из них когда-нибудь превратились в цыплят? Все остальные отправились на рынок, чтобы принести деньги Джонсу и его людям.

— А ты, Кlover, где те четыре жеребёнка, которых ты родила и которые должны были стать опорой и радостью твоей старости? Каждый из них был продан в возрасте одного года — и ты больше никогда их не увидишь. И что ты получила взамен за свои четыре беременности и весь свой труд в поле? Ничего, кроме скудного пайка и стойла.

— И даже жалкой жизни, которой мы живём, нам не позволяют длиться столько, сколько положено природой. Что касается меня, я не жалею, потому что я один из счастливых. Мне двенадцать лет, и у меня было более четырёхсот детей. Такова естественная продолжительность жизни свиньи. Но в конце концов от жестокого ножа не спасается ни одно животное.

— Вы, молодые поросята, сидящие передо мной, каждый из вас в течение года будет кричать во всю глотку, стоя на убойном станке. Все мы должны пройти через этот ужас — коровы, свиньи, куры, овцы, все. Даже лошадей и собак ждёт

не лучшая участь.

— Ты, Боксер, в тот самый день, когда твои могучие мышцы перестанут служить тебе, Джонс продаст тебя живодёру, который перережет тебе горло, а затем выварит твоё тело на корм лисичьим гончим. А что касается собак — когда они состарятся и потеряют зубы, Джонс привяжет им к шее кирпич и утопит в ближайшем пруду.

— Разве теперь не совершенно ясно, товарищи, что все беды нашей жизни происходят от тирании людей? Избавьтесь от Человека — и плоды нашего труда будут принадлежать нам самим. Почти за одну ночь мы могли бы стать богатыми и свободными. Что же нам делать? Работать день и ночь, телом и душой, ради свержения человеческого рода! Вот моё послание вам, товарищи: Восстание!

— Я не знаю, когда придёт это Восстание. Может быть, через неделю, а может, через сто лет. Но я знаю — так же твёрдо, как вижу сейчас солому под своими ногами, — что рано или поздно справедливость восторжествует. Помните об этом, товарищи, на протяжении всего короткого остатка вашей жизни! И прежде всего передавайте моё послание тем, кто придёт после вас, чтобы будущие поколения продолжали борьбу до тех пор, пока не одержат победу.

— И помните, товарищи: ваша решимость никогда не должна колебаться. Пусть никакие доводы не собьют вас с пути. Никогда не слушайте, когда вам говорят, будто у Человека и животных есть общие интересы, будто благополучие

одного означает благополучие других. Всё это ложь. Человек заботится об интересах только одного существа — самого себя. А среди нас, животных, пусть царят полное единство и полное товарищество в борьбе. Все люди — враги. Все животные — товарищи.

В этот момент поднялся ужасный шум. Пока Мейджор говорил, из своих нор вылезли четыре крупных крысы и уселись на задние лапы, слушая его. Собаки вдруг заметили их, и крысам удалось спастись лишь стремительным броском обратно в норы. Мейджор поднял копыто, призывая к тишине.

— Товарищи, — сказал он, — здесь есть один вопрос, который необходимо решить. Дикие существа, такие как крысы и кролики, — они наши друзья или враги? Давайте поставим это на голосование. Я предлагаю собранию следующий вопрос: крысы — товарищи?

Голосование провели немедленно, и подавляющим большинством было решено, что крысы — товарищи. Против проголосовали только четверо: три собаки и кошка, которая, как впоследствии выяснилось, проголосовала и за, и против. Мейджор продолжил:

— Мне осталось сказать совсем немного. Я лишь хочу ещё раз напомнить: помните о своей обязанности враждебно относиться к Человеку и ко всему, что он делает. Всё, что ходит на двух ногах, — враг. Всё, что ходит на четырёх ногах или имеет крылья, — друг.

— И помните также: сражаясь против Человека, мы не

должны становиться похожими на него. Даже победив его, не перенимайте его пороков. Ни одно животное никогда не должно жить в доме, спать в кровати, носить одежду, пить алкоголь, курить табак, прикасаться к деньгам или заниматься торговлей. Все привычки Человека порочны.

— И прежде всего ни одно животное не должно когда-либо тиранить себе подобных. Слабые или сильные, умные или простые — мы все братья. Ни одно животное не должно убивать другое животное. Все животные равны.

— А теперь, товарищи, я расскажу вам о своём сне прошлой ночи. Я не могу описать вам этот сон. Это был сон о земле такой, какой она станет после исчезновения Человека. Но он напомнил мне кое-что, что я давно забыл.

— Много лет назад, когда я был маленьким поросёнком, моя мать и другие свиноматки часто пели старую песню, из которой знали только мелодию и первые три слова. Я знал эту мелодию в детстве, но давным-давно забыл её. Однако прошлой ночью она вернулась ко мне во сне.

— И более того — ко мне вернулись и слова этой песни. Я уверен, что именно их когда-то пели животные давних времён, а затем они были забыты на протяжении многих поколений. Сейчас я спою эту песню вам, товарищи. Я стар, и голос у меня хриплый, но когда я научу вас мелодии, вы сможете петь её лучше меня. Она называется «Звери Англии».

Старый Мейджор откашлялся и начал петь. Как он и сказал, голос у него был хриплым, но пел он вполне хорошо,

а мелодия была зажигательной — чем-то средним между «Клементиной» и «Ла Кукарачей». Слова звучали так:

Все Звери Англии, звери Ирландии,
Звери всех стран и краёв,
Вместе споём эту песню чудесную,
Пусть каждый будет готов!
Скоро придёт наше время прекрасное,
Сгинет Тиран-Человек.
Будем трудиться му дружно и радостно,
Он не вернётся вовек.
Больше не будет кнутом бить по сплинам нас,
Шкуру не будет клеймить.
Клевер, овёс и пшеницу душистую,
Мы будем честно делать.
Пусть засияют поля нашей Англии,
Чистыми станут ручьи.
Пусть ветры стихнут, чтоб бури ненастные,
Нам помещать не могли.
Ради тех дней потрудиться нам следует,
Рог и копыто скрестить.
Чтоб Человека прогнать с нашей фермы,
Власть здесь навек захватить!
Все Звери Англии, звери Ирландии,
Звери всех стран и краёв,
Вместе споём эту песню чудесную,
Пусть каждый будет готов!

Пение этой песни привело животных в величайшее возбуждение. Едва Мейджор дошёл до конца, как они уже начали петь её сами. Даже самые глупые из них успели подхватить мелодию и запомнить несколько слов, а что касается сообразительных — таких, как свиньи и собаки, — то всего за несколько минут они выучили всю песню наизусть. И вот после нескольких проб вся ферма дружно грянула «Зверей Англии» — все разом, во весь голос. Коровы мычали её, собаки подвывали, овцы блеяли, лошади ржали, утки крякали. Песня так им понравилась, что они спели её подряд пять раз и, вероятно, продолжали бы петь всю ночь, если бы их не прервали.

К несчастью, поднявшийся шум разбудил мистера Джонса. Он вскочил с постели, решив, что во дворе появилась лисица. Он схватил ружьё, которое всегда стояло в углу его спальни, и выстрелил в темноту зарядом дроби № 6. Дробинки впились в стену амбара, и собрание поспешно разошлось. Каждый поспешил к своему месту для сна. Птицы вспрыгнули на насесты, животные улеглись в соломе, и через мгновение вся ферма уже спала.

Глава II

Три ночи спустя старый Мейджор мирно скончался во сне. Его тело похоронили у подножия сада.

Это произошло в начале марта. В течение следующих трёх месяцев велась активная тайная работа. Речь Мейджора дала наиболее сообразительным животным на ферме совершенно новый взгляд на жизнь. Они не знали, когда произойдёт предсказанное Мейджором восстание, у них не было оснований полагать, что оно случится при их жизни, но они ясно понимали: их долг — подготовиться к нему. Работа по обучению и организации остальных естественным образом легла на свиней, которых все считали самыми умными из животных.

Среди свиней особенно выделялись два молодых кабана по имени Сноуболл и Наполеон, которых мистер Джонс выращивал для продажи. Наполеон был крупным кабаном породы беркшир, с довольно свирепой наружностью, единственным беркширом на всей ферме. Он не был большим любителем поговорить, зато имел репутацию того, кто всегда добивается своего. Сноуболл был более живым, чем Наполеон, говорил быстрее и отличался большей изобретательностью, однако считалось, что глубины характера ему недостаёт.

Все остальные самцы-свины на ферме были свиньями

на откорме. Самым известным среди них был небольшой толстый поросёнок по имени Сквилер — с очень круглыми щеками, блестящими глазами, проворными движениями и пронзительным голосом. Он был блестящим оратором, и, когда доказывал какую-нибудь сложную мысль, у него была привычка перебегать из стороны в сторону и помахивать хвостом, что каким-то образом делало его чрезвычайно убедительным. Остальные говорили о Сквилере, что он способен превратить чёрное в белое.

Эти трое развили учение старого Мейджора в целостную систему взглядов, которую называли Анимализмом. Несколько раз в неделю, после того как мистер Джонс засыпал, они устраивали тайные собрания в амбаре и разъясняли остальным принципы Анимализма.

Поначалу им приходилось сталкиваться с большой глупостью и равнодушием. Некоторые животные говорили о долге хранить верность мистеру Джонсу, которого они называли «Хозяином», или делали такие простодушные замечания: «Мистер Джонс нас кормит. Если его не станет, мы умрём с голоду». Другие задавали вопросы вроде: «Почему нас должно волновать то, что случится после нашей смерти?» или: «Если это Восстание всё равно произойдёт, какая разница, будем мы трудиться ради него или нет?» — и свиньям было чрезвычайно трудно объяснить им, что подобные мысли противоречат духу Анимализма.

Самые глупые вопросы задавала Молли, белая кобыла.

Самый первый вопрос, который она задала Сноуболлу, был таким:

— А сахар после Восстания всё ещё будет?

— Нет, — твёрдо ответил Сноуболл. — На этой ферме у нас нет возможности производить сахар. К тому же тебе сахар и не нужен. У тебя будет столько овса и сена, сколько захочешь.

— А мне по-прежнему будет разрешено носить ленточки в гриве? — спросила Молли.

— Товарищ, — сказал Сноуболл, — эти ленточки, к которым ты так привязана, являются знаком рабства. Неужели ты не понимаешь, что свобода дороже ленточек?

Молли согласилась, но голос её звучал не слишком убеждённо.

Ещё труднее свиньям было противостоять лжи, которую распространял ручной ворон Моисей. Моисей, бывший особым любимцем мистера Джонса, был шпионом и доносчиком, но при этом умел ловко говорить. Он утверждал, что знает о существовании таинственной страны под названием Сахарная Гора, куда после смерти отправляются все животные.

По словам Моисея, она находилась где-то высоко в небе, немного дальше облаков. На Сахарной Горе воскресенье продолжалось семь дней в неделю, клевер там рос круглый год, а на живых изгородях росли куски сахара и льняные лепёшки. Животные ненавидели Моисея за то, что он разносил

сплетни и сам ничего не делал, но некоторые из них верили в Сахарную Гору, и свиньям приходилось долго и упорно доказывать им, что такого места не существует.

Самыми преданными их учениками были две рабочие лошади — Боксер и Кlover. Им было очень трудно самостоятельно разобраться в чём-либо, но, однажды признав свиней своими учителями, они впитывали всё, что им говорили, и затем передавали это другим животным в форме простых рассуждений. Они неизменно присутствовали на тайных собраниях в амбаре и возглавляли пение «Зверей Англии», которым всегда заканчивались собрания.

Как выяснилось, Восстание произошло гораздо раньше и гораздо легче, чем кто-либо ожидал. В прежние годы мистер Джонс, хотя и был суровым хозяином, являлся вполне способным фермером, однако в последнее время дела у него пошли плохо. После того как он потерял деньги в судебном процессе, он сильно пал духом и стал пить больше, чем ему было на пользу.

Целыми днями он мог бездельничать в своём виндзорском кресле на кухне, читать газеты, пить и время от времени кормить Моисея корочками хлеба, размоченными в пиве. Его работники были ленивыми и нечестными, поля заросли сорняками, здания нуждались в ремонте крыш, живые изгороди никто не поддерживал в порядке, а животных недокармливали.

Наступил июнь, и сено почти созрело для покоса. В канун

летнего солнцестояния, в субботу, мистер Джонс отправился в Уиллингдон и так напился в «Красном льве», что вернулся только в воскресенье около полудня.

Работники рано утром подоили коров, а затем отправились ловить кроликов, даже не позаботившись покормить животных. Вернувшись, мистер Джонс тотчас лёг спать на диване в гостиной, накрыв лицо газетой «Ньюс оф зе Уорлд», так что, когда наступил вечер, животные всё ещё оставались голодными.

Наконец они больше не могли этого терпеть. Одна из коров рогом выбила дверь кладовой, и все животные начали сами брать корм из закромов. Именно в этот момент мистер Джонс проснулся. В следующее мгновение он и четверо его работников уже стояли в кладовой с кнутами в руках и хлестали направо и налево.

Для голодных животных это оказалось последней каплей. Все как один, хотя заранее ничего подобного не планировали, они бросились на своих мучителей. Джонс и его люди внезапно обнаружили, что со всех сторон их бодают и лягают. Ситуация полностью вышла из-под их контроля.

Никогда прежде им не приходилось видеть животных в таком состоянии, и внезапное восстание существ, которых они привыкли избивать и мучить как им заблагорассудится, до того напугало их, что они едва не лишились рассудка. Через минуту-другую они перестали пытаться защищаться и бросились бежать.

Ещё через минуту все пятеро уже во весь дух неслись по просёлочной дороге к главному шоссе, а животные с торжеством преследовали их.

Миссис Джонс выглянула из окна спальни, увидела происходящее, поспешно запихнула несколько вещей в дорожную сумку и другим путём покинула ферму. Моисей слетел со своего насеста и, громко каркая, полетел за ней.

Тем временем животные выгнали Джонса и его людей на дорогу и захлопнули за ними ворота с пятью перекладинами. И вот, почти прежде чем они успели понять, что происходит, Восстание успешно завершилось: Джонс был изгнан, а Ферма Мэнор стала их собственной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.